3. Мифы народов мира: энцикл. в 2 т. М. : Сов. энцикл., 1987. Т. 1.

4. Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина. М. : Сов. писатель, 1987.

5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 17 т. М. : Воскресенье, 1994. Т. 3.

6. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1959. Т. 2.

Model of lyric self-determination in the poem by A.S. Pushkin "Autumn"

There is analyzed the poem by A.S. Pushkin "Autumn" from the point of implementation of the plot scheme of the cosmogonic myth; suggested to consider it as the "central myth" of Pushkin's whole artistic system that determine the model of the poet's lyric self-determination.

Key words: *model, lyric plot, cosmogonic myth, self-determination, lyrical I, poetry, Pushkin.*

Е.Ф. МАНАЕНКОВА
(Волгоград)

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ МИР ЛИРИКИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА ПАНСИОНСКОГО ПЕРИОДА

Поскольку проблема «рациональное – эмоциональное» в литературе является многоуровневой, анализ своеобразия эмоционального мира лирического героя Лермонтова начального периода (1828–1830 гг.) произведен с привлечением достижений современной психологической науки.

Ключевые слова: *лирика, романтический герой, эмоции, чувства, поэтический язык, эмотивы, фрустрация.*

В период обучения в Московском университетском благородном пансионе с сентября 1828 г. по апрель 1830 г. М.Ю. Лермонтов написал около 60 стихотворений [9, с. 290]. Ранняя лирика Лермонтова – лирика романтических страстей, отражающая «избыток чувств» [1, с. 503] начинающего поэта. Его привлекает все, что связано с грандиозными страстями: места (стихотворения о Кавказе 1829 и 1830 гг.: с Кавказом ассоциируется «крик страстей» (164)* («Кавказу», 1830)); личности, окруженные романтическим ореолом, творящие «историю страстей» (134) (стихотворения «Наполеон» («Где бьет волна о брег высокой») 1829 г., открывающее наполеоновский цикл в творчестве Лермонтова, и «Наполеон» (Дума) 1830 г., продолжающее предыдущую элегию).

Переживаемые «лермонтовским человеком» страсти лишены полутонов. Героя послания «Н.Ф. И…вой» (1830) одолевают «буйные страсти» (150). В «Посвящении» («Тебе я некогда вверял») 1830 г. лирический герой Лермонтова «С мятежной властию страстей» (175). «Портреты» (1829) – серия стихов (6) в эпиграммном жанре «словесного портрета». В первом, написанном в романтической манере, предположительно дан портрет самого Лермонтова (хотя, как известно, поэт это отрицал). Перед нами одинокий герой, на челе которого «…оставил рок / Средь юных дней печать страстей» (122). В портретных зарисовках под №5 и 6 также речь идет о «горячих» (123) и «губительных» (124) страстях. Стихотворением «Оставленная пустынь предо мной» (1830) поэт открывает тему человека, который даже за монастырской стеной не может справиться с обуревающими его мирскими чувствами:

Он увидит,
Как сердце любит под конец
И бесконечно ненавидит,
Как ни вериги, ни клобук
Не облегчают наших мук (169).

Эмоциональный максимализм романтического героя Лермонтова сочетается с трагическим скептицизмом:

Но тот, на ком лежит уныния печать,
Кто, юный, потерял лета златые,
Того не могут услаждать
Ни дружба, ни любовь, ни песни боевые!..
(118) («К П[етерсо]ну», 1829) .

Мироощущение героя «Песни» («Светлый призрак дней минувших…», 1829) заключено в строках «В сердце ненависть и холод / Водворились!» (129). Чувства «лермонтовского человека» явно гиперболизированы, предельны. «Мой демон» (1829) – первое стихотворение, посвященное едва ли не главной теме все-

* Здесь и далее тексты стихотворений М.Ю. Лермонтова цитируются по изданию [8], в круглых скобках указаны страницы.

© Манаенкова Е.Ф., 2013

го творчества Лермонтова. Лермонтовский демон – «собранье зол», его портрет «уныл и мрачен» (139). Лирический герой отождествлен с субъективным сознанием поэта, для которого свойственно неверие в силу добра и любви. В стихотворении «Кладбище» (1830), содержащем размышления лирического субъекта о жизни и смерти, человечеству дана крайне негативная оценка: «…сей царь над общим злом, / С коварным сердцем, с ложным языком» (174).

Начинающий поэт обращается к разным жанровым формам, позволяющим передавать многообразие переживаний лирического субъекта. Это прежде всего жанры медитации (напр., стихотворение «К***» («Не говори: одним высоким…») 1830 г. – юношеское послание философско-медитативного характера, посвященное чувству «глубокому» (148) – разочарованию), многочисленные элегии, послания, романсы, баллады. Нередко автор, видимо, для подчеркивания типичных жанровых признаков обозначение жанра выносит в заглавие произведения. Так, в пансионский период Лермонтов написал две «Элегии» 1829 г. («О! Если б дни мои текли») и 1830 г. («Дробись, дробись, волна ночная…»). Для данного жанра свойственно непосредственное выражение эмоционального состояния человека. Например, в «Элегии» 1830 г. изображается изгнанник, переживающий страдания среди простых рыбарей от любовной измены: «И сожаление мою тревожит грудь» (172).

В наследии поэта два «Романса», датированных 1829 г. Русский литературный романс окончательно выкристаллизовался в эпоху сентиментализма, поэтому сентиментальность, апелляция к чувству была на протяжении столетия основной его качественной характеристикой. Лермонтовский «Романс» («Коварной жизнью недовольный…») – об уезжающем в Италию друге, обманутом «низкой клеветой» (121) и убежденном, что страна далекая не загладит пережитые им «печали» (122). Герой другого «Романса» («Невинный нежною душою…») не может сказать себе, что счастлив, поскольку «испытал отчаянья порыв» (130).

В ранних поэтических опытах Лермонтова имеет место «Баллада» – стихотворение 1829 г. с лиро-эпическим сюжетом о жертве жестокости возлюбленной. Жанру баллады свойственна сосредоточенность на раскрытии чувств, преобладание эмоционального начала над рациональным. Герой лермонтовской баллады разуверился в любви, но идет ради нее на смерть: «…и печальный он взор устремил / На то, что дороже он жизни любил» (143).

Следует упомянуть два «Посвящения» 1830 г. («Прими, прими мой грустный труд…»), («Тебе я некогда вверял»), а также «Эпитафию» (1830), вероятно, посвященную памяти Д.В. Веневитинова, рано ушедшего поэта-романтика.

Для чувств он жизни не щадил
<…>
И в нем душа запас хранила
Блаженства, муки и страстей (172).

В своем герое юный автор подчеркивает те качества, которые ему особенно близки.

Кроме использования различных жанров, Лермонтов смело экспериментировал в области жанровых форм, добиваясь дополнительных возможностей для воспроизведения сердечной жизни лирического героя.

«Покаяние» (1829) – первое стихотворение в жанре лирической исповеди с драматическими элементами: автор приводит «диалог» грешной девы и попа, призывающего «излить… страданья» в молитве, «сердечном покаянье» (125).

В послании «К***» («Мы снова встретились с тобой») 1829 г. воспроизведена типичная элегическая ситуация и стилистика. Герой ищет «в душе своей волненья», но чувства «убило жизни тяготенье!..» (141).

Лермонтов разрабатывал эпистолярный жанр. В послании «К…» («Простите мне, что я решился к вам…») 1830 г. лирический монолог заключен в кавычки, в конце поэтического письма подпись «Евгений», что создает эффект независимости текста от автора.

Прими письмо мое. Твой взор увидит,
Что я не мог стеснить души своей
К молчанью – так ужасна власть
страстей!
Тебя письмо страдальца не обидит… (170).

Ритмические перебои, спотыкающийся слог как бы непосредственно воспроизводят душевное волнение писавшего.

Зачисленный в пансион сразу в 4-й класс Лермонтов занимался с увлечением, брал дополнительные уроки по английскому языку, немецкой литературе. И уже первые его сочинения отражали влияние того или иного иностранного образца.

Первые переводы поэта относятся к 1829 г. В частности, это любовное послание «К Нине» (Из Шиллера) – перевод Лермонто-

ва стихотворения Шиллера «An Emma» («К Эмме») 1796 г.; «Встреча» (Из Шиллера) – перевод первых двух строф стихотворения Шиллера 1797 г. «Die Begegnung» («Встреча»); «Баллада» – перевод двух баллад Шиллера 1797 г. «Der Taucher» («Водолаз») и «Der Handschuh» («Перчатка»); «Перчатка» (Из Шиллера); «Дитя в люльке» (Из Шиллера) – перевод двустишия Шиллера 1796 г. «Das Kind in der Wiege»; «К*» (Из Шиллера) – вольный перевод двустишия Шиллера 1796 г. «An*». Таким образом, первый поэт, которого Лермонтов переводил, был немецкий поэт, философ, теоретик искусства и драматург И.К.Ф. фон Шиллер. В 1830 г. немецкого классика заслонил для Лермонтова знаменитый английский поэт-романтик, покоривший воображение всей Европы мрачным эгоизмом, Дж.Н.Г. Байрон. Стихотворение «Farewell» (из Байрона) 1830 г. – перевод одноименного стихотворения Байрона 1808 г.

В своем раннем творчестве Лермонтов не столько подражатель, сколько начинающий автор, пробующий свои силы и ищущий адекватные выражения своим идеям. Подчеркнем, юный поэт привносит в перевод свою индивидуальность, особый характер повествования. Так, кульминационная развязка стихотворения «Перчатка» (Из Шиллера) отражена в финале, который определяет гневная строка, отсутствующая у Шиллера: «Но, досады жестокой пылая в огне» (145) [14]. Тем самым Лермонтов акцентирует эмоциональную составляющую образа, усиливая психологизм изображаемого.

Гиперболичность эмоциональных состояний, столкновения противоборствующих страстей, чрезмерность их проявления определяют черты романтического стиля поэта: мелодраматичность, подчеркнутую экспрессию поэтической речи. Лирическая экспрессия раннего Лермонтова поддерживается употреблением слов с качественно-эмоциональным значением. Именно они определяют образное движение лирической темы.

Психологическая гипербола – органичный элемент стилистики раннего Лермонтова: «веселие, уж взятое гробницей» (116) («Цевница», 1828); «полный весь тоскою» (124) («К Гению», 1829); «чувствовал напрасно / И жизнию обманут был» (159) («Гроза», 1830); «…кровь, угасшая от грусти, от страданий, / От преждевременных страстей!» (141) («Элегия», 1829 («О! Если б дни мои текли»)) и т.д.

В юношеских стихах Лермонтова преобладают эмоционально-активные, ценностно-ориентированные эпитеты: «*грустные* мечты» («Цевница», 1828); «с душою *пылкой*» (121) («К друзьям», 1829); «*Коварной* жизнью *недовольный*» (121) («Романс», 1829); «*горького* упрека», «*печальной* клеветы» (132) («К N.N.», 1829); «И нам *горька остылой* жизни чаша» («Монолог», 1829) и т.д.

Обращают на себя внимание обилие и разнообразие сравнений, часто развернутых, которые под пером поэта-художника становятся зримой проекцией неуловимого внутреннего мира человека:

Не знал он друга меж людей:
Так бури ток ***сухой листок***
Мчит жертвой посреди степей (123) («Портреты», 1829);

Он чувств лишен: так ***пень лесной,***
Постигнут молньей, догорает (137) («Ответ», 1829);

Но измена девы страстной
Нож *для сердца вековой!..* (137) («Два сокола», 1829);
Любовь пройдет, как ***тень*** *пустого сна* (140) («К другу», 1829);
Мы, дети севера, как здешние растенья,
Цветем недолго, быстро увядаем… (142) («Монолог», 1829);

Живу, как ***камень*** *меж камней,*
Излить страдания скупясь… (166) («Отрывок», 1830) и т.д.

Метафорические сравнения нередко перерастают в образы-символы: «жар души» (119) («Посвящение. N.N.», 1829); «печать страстей» (122) («Портреты», 1829); «злобы яд», «жизни чаша» (142) («Монолог», 1829); «Преобрати мне сердце в камень» (146) («Молитва», 1829) и т.д.

Лермонтову свойственна тяга к оксюморонности, отражающей противоречия переживаемых лирическим героем чувств:

Я хладею и горю (135) («К N.N.***», 1829);

Меж радостью и горестью срединной,
Мое теснилось сердце – и желал я
Веселие или печаль умножить
Воспоминаньем об убитой жизни:
Последнее, однако, было легче!.. (154) («Ночь II», 1830);

...яд страстей / Ужасен был и мил сердцам людей (170) («Ночь III», 1830) и т.д.

Иногда вид тропа у юного поэта трудно определим, поскольку носит усложненный, комплексный характер. Это создает эффект предельной эмоциональной насыщенности лирического образа: «Может ли любви страданье, / Нина! Некогда пройти?» (132) («К Нине» (Из Шиллера), 1829); «Мечтанье злое грусть лелеет…» (150) («Весна», 1830); «Забьется сердце медленней – свинец / Тоски на нем – и что всему конец!..» (165) («Прости, мой друг!.. как призрак я лечу…», 1830) и т.д.

Уже раннему Лермонтову удалось создать особый стилистический строй. По тонкому наблюдению Л.Я. Гинзбург, поэт «широко пользуется ходовой в 30-х гг. романтической фразеологией, но не попадает к ней в плен», он овладевает поэтическими штампами, «трансформирует их, заставляя работать на своего лирического героя» [3, с. 154–155].

Лермонтовский романтический герой с его погруженностью в себя, поисками абсолютных ценностей («Но я ищу земного упоенья» (140) «К другу», 1829) и разочарованностью в действительности («Коварной жизнью недовольный» (121) («Романс, 1829)) испытывает ощущение потерянности, одиночество.

Сделанная нами выборка эмотивной лексики Лермонтова-лирика свидетельствует о том, что в его стихотворениях пансионского периода, говоря языком современных психологов, преобладают фрустрационные эмоции. Эмотивы – особые единицы языка и речи, выражающие психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека [16, с. 6]. Понятие «фрустрация» (от лат. *frustratio* – расстройство (планов), крушение (замыслов, надежд)) используется в нескольких значениях [4, с. 163]. Нас интересует фрустрация как эмоциональное состояние человека, возникающее после неудовлетворения какой-либо сильной потребности. К подобного рода эмоциям относят обиду, разочарование, досаду, гнев, печаль, уныние, тоску, горе.

В 1828–1829 гг. в лермонтовских стихотворных текстах встречается 18 обозначений фрустрационных эмоций: печаль – 7; грусть (легкая печаль) – 4; уныние (безнадежная печаль) – 3; тоска – 4. При этом даются предельные их описания: «обычною (постоянною. – *Е.М.*) печалью» (124), «уныния печать», «безвременная тоска», «тоской холодной и немой» (135).

В 1830 г. 27 обозначений фрустрационных эмоций: печаль – 10; грусть – 9; уныние – 2; тоска – 6. Помимо крайних эмоциональных характеристик («печали роковой» (161), «печальных дум печальной цели» (150), «мечтанье злое грусть лелеет» (150), «грустный бред души моей» (158), «мой грустный труд» (173)), встречаются эмоциональные паттерны (комбинация эмоций, усиливающих эмоциональный эффект): «безумства и печали», «укоры зависти, тоска» (168), «И сожаление мою тревожит грудь» (172) и т.д. Кроме того, вышеперечисленные фрустрационные эмоции дополняет часто встречающаяся в ранних стихотворениях Лермонтова эмоция разочарования (7), сожаления об обманутых надеждах (см., напр., «Farewell» (из Байрона)). Поэт также употребляет понятие «гнев» (5) и его синонимы – «злость» (5) и «досада» (2).

Уже с XIX в. за Лермонтовым закрепилось определение «поэт грусти» [5, с. 234; 7, с. 21]. Однако представленный анализ эмотивной лексики свидетельствует о том, что уже в его раннем лирическом творчестве обнаруживается вся палитра фрустрационных переживаний субъекта.

Нельзя, разбирая творческое наследие Лермонтова-пансионера, не учитывать его юного возраста, для которого свойственны коммуникативные эмоции, в частности эмоция веселья.

Так, уже в одном из первых текстов 1828 г. «Цевница» упоминается «веселие», но «… уж взятое гробницей» (116). В 1829 г. насчитывается 11 словоупотреблений «веселье» и производное от них. Самое репрезентативное в этом смысле произведение Лермонтова – стихотворение, написанное в жанре легкой поэзии, которое так и называется «Веселый час». В лирических текстах 1830 г. встречается 6 дефиниций с корнем «весел-». Однако следует сделать существенную оговорку: не только в элегиях поэта веселье носит оттенок грусти, в разножанровых стихотворениях «веселость, звук чужой» (167) («Отрывок», 1830) для начинающего автора. Веселье, полагает он, возможно лишь при условии уединения – «покоя и забвенья» (140) («Элегия», 1829), в обществе же – «веселия пагубные» (171) («Элегия», 1830). Реакция света на кончину юного поэта представляется ему таким образом: «И будут (я уверен в том), / О смерти больше веселиться, / Чем о рождении моем» (158) («Одиночество», 1830).

Презрение – следующая по частоте коммуникативная эмоция в словаре юного Лермонтова (7 употреблений). Конечно, это далеко не случайно. Как пишет Е.П. Ильин, «презрение является специфическим проявлением враждебности.., человек <…> выражает ее

в действиях, полных сарказма (злой иронии) или ненависти» [4, с. 189]. «Лермонтовский человек» враждебен порочному миру, где попираются добро и справедливость, в этой связи он выражает сильнейшие негативные чувства. Характерный пример – стихотворение 1829 г. «Два сокола», где дикие птицы делятся впечатлениями об увиденном на земле: «Ах, я свет возненавидел / И безжалостных людей», ему вторит другой персонаж: «Свет и я возненавидел…» (137).

Современные психологи, как правило, разводят эмоции и чувства. Среди их основных отличий А.Г. Маклаков называет максимальную представленность чувств в нашем сознании, эмоции же связаны с областью бессознательного [10]. Понятие «чувство» в поэтическом словаре Лермонтова рассматриваемого периода упоминается многократно – 18 раз. Чувства лермонтовского героя обычно сопровождают определения «глубокие», «высокие», «горячие», либо другая крайность – «чувств лишен» (137) («Ответ», 1829). Сильно выраженные чувства, страсти используются поэтом еще больше – 28 словоупотреблений. Они «губительные», «пламенные», «буйные», «тяжелые», «мятежные», встречается метафора «яд страстей» (170) (Ночь. III, 1830), властвующий над людскими сердцами. Нередко страсти лирического героя сопряжены с муками: «Так стон любви, страстей и муки / До гроба в памяти звучит» (136) («Черкешенка», 1828). О муках, порой «нестерпимых» (154) («Ночь. II), юный поэт упоминает в 16 стихотворениях.

В лирике Лермонтова 1828–1830 гг. все чаще появляется слово «страдание», мы насчитали 18 подобных словоупотреблений. Лермонтовский «страдалец» с его «противопоставленностью» [11, с. 35] миру испытывает состояние одиночества. В стихотворных текстах пансионского периода – 13 названий этого явления (1829 г. – 3, 1830 г. – 10). Преимущественно пока одиночество лирического героя абстрактное, заданное литературной традицией. Постепенно одиночество у Лермонтова-поэта приобретает личный характер, когда одинокий герой напряженно ищет свое место в мире, свою цель.

Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Боясь, грусть не утая,
Будить людское сожаленье;
Счастливцы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я,
И черных дум не унесут
Ни радость дружеских минут,
Ни страстный пламень поцелуя
<…>
И, в жизни зло лишь испытав,
Умру я, сердцем не познав
Печальных дум печальной цели (149–150) («Н.Ф. И…вой», 1830).

Глубоко личный характер приведенных строк придает чувству большую естественность, следовательно, и большую трагичность. «Один среди людского шума» (147) лермонтовский герой погружен во «мрак уединенья» (136) («Ответ», 1829). Одиночество поэт выносит в заглавие одного из стихотворений 1830 г.

Характерные для раннего Лермонтова слова-образы – «мрачен» и «холоден» (10 и 8 словоупотреблений соответственно) вовсе не исключают стремления «лермонтовского человека» к счастью.

Понятие «счастье» – сложный комплекс человеческого существования, включающий в себя как когнитивный (оценка своего бытия), так и эмоциональный (отношение к себе как счастливому или несчастному человеку) компоненты. В научной литературе существует множество определений этого понятия. Например, в 4-м издании «Толкового словаря русского языка» счастье определяется как «чувство и состояние полного, высшего удовлетворения» [13, с. 783], в «Философском энциклопедическом словаре» – как чувственно-эмоциональная форма идеала, понятие морального сознания, «обозначающее такое состояние человека, которое соответствует наибольшей внутренней удовлетворенности условиями своего бытия, полноте и осмысления жизни, осуществлению своего человеческого назначения» [15, с. 668]. В то же время отмечается, что это понятие имеет нормативно-ценностный характер, т.к. выражает представление конкретного человека о том, что именно является для него счастьем. С.Г. Воркачев предпринял любопытную попытку типологизировать индивидуальные представления о счастье [2]. Среди прочих он выдвигает концепцию «неосознанности счастья», согласно которой, пока человек счастлив, он об этом не задумывается (Там же, с. 51–52). Для лирического героя Лермонтова вопрос о счастье довольно актуален.

Из 23 случаев использования Лермонтовым в стихотворениях пансионского периода слово «счастье» 7 раз употребляется в отрицательном смысле («несчастье», «несчастный»), в 4 случаях речь идет о счастье в про-

шлом («былое счастье» («Песня», 1829); «Я был счастлив!..» (130) («Романс», 1829); «счастье прежних дней» (131) «К Нине» (Из Шиллера) и др.) и в 3 – об отрицании возможности быть счастливым («Зачем и счастья не найти» (118) («К П[етерсону]у», 1829); «Не буду я счастливым близ прекрасной» (140) («К другу», 1829); «Не мне о счастье бредить вновь» (171) «Farewell» (из Байрона), 1830).

Так что же для лирического героя юного поэта счастье? Сам он осознает, «что путь ко счастью труден / От той страны, где царствует порок!..» (119) («Посвящение. N.N.», 1829). В современной поэту философской лирике со счастьем сопоставлялся покой [6]. В ранних лермонтовских стихотворениях встречаются общеупотребительные эпитеты покоя: «спокойствие чудесное» (126) («Покаяние», 1829), «сладостный покой» (140) («Элегия», 1829) и т.д. Заметим, лирический герой Лермонтова изначально лишен покоя. В стихотворении «К Д[урнов]у» 1829 г. говорится о друге, который «…вновь <…> возвратил покой!» поэту, разуверившемуся в «бескорыстных и простых» (119) отношениях. Однако покой как жизненная позиция ему не по душе. Приведем строки из стихотворения 1829 г. «Элегия»:

О! Если б дни мои текли
На лоне сладостном покоя и забвенья…
Тогда б я был с весельем неразлучен,
Тогда б я, верно, не искал
Ни наслаждения, ни славы, ни похвал…
Ищу измен и новых чувствований,
Которые живят хоть колкостью своей
Мне кровь, угасшую от грусти,
от страданий,
От преждевременных страстей!.. (140–141).

Здесь покой передает ощущение чувственно-эмоционального голода, и уже сам поиск «новых чувствований» поэт называет «чувством счастья»:

Беден, кто, судьбы в ненастье
Все надежды испытав,
Наконец находит счастье,
Чувство счастья потеряв (157) («Совет», 1830).

Хотя юный автор в «Романсе» 1829 г. заявляет: «Не знавши в юности страстей прилив, / Ты можешь, друг, сказать, с какой-то простотою: / Я был счастлив» (130), – счастье для него не в покое, а именно в страстях, т.е. в поиске счастья. Такой вывод следует из соотношения оппозиции «страсти» (28) – «покой» (10) и, главное, из смыслового контекста лирического наследия Лермонтова начальной поры.

Отсутствие покоя, по утверждению психологов, – свидетельство проявления такого свойства личности, как тревожность [17]. Тревогу относят к эмоциям ожидания и прогноза. Тревога понимается как эмоциональное состояние острого внутреннего мучительного беспокойства, связываемого в сознании индивида с прогнозированием неудачи, опасности или же ожидания чего-то важного, значительного для человека в условиях неопределенности [4, с. 142–147].

В ранней лирике Лермонтов нередко говорит о тревогах души (5 словоупотреблений). Чувство тревоги романтического героя Лермонтова отражает, прежде всего, его стремление к счастью и вместе с тем неверие в его возможность [12, с. 55–60]. Это во многом объясняет феномен преобладания негативных эмоций в лермонтовской лирике пансионского периода.

Литература

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1954. Т. IV.

2. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 2001. Т. 60. №6. С. 47–58.

3. Гинзбург Л.Я. О лирике. 2-е изд. Л., 1974. С. 154–155.

4. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб., 2001.

5. Ключевский В.О. Грусть (Памяти М.Ю. Лермонтова) // Лермонтов: pro et contra / сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова, вступ. ст. В.М. Марковича, коммент. Г.Е. Потаповой и Н.Ю. Заварзиной. СПб., 2002.

6. Котельников В.А. «Покой» в религиозно-философских и художественных контекстах // Рус. лит. 1994. №1. С. 3–41.

7. Котляревский Н.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. 5-е изд. Пг., 1915.

8. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1986. Т. 1.

9. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В.А. Мануйлов. М., 1999.

10. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб., 2000.

11. Максимов Д.Е. Поэзия Лермонтова. М.–Л., 1964.

12. Манаенкова Е.Ф. Тревога как душевная константа «лермонтовского человека» // Проблемы «ума» и «сердца» в современной филологической науке : сб. науч. ст. по итогам V Междунар. науч. конф. «Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре»: Волгоград, 26–28 окт. 2009 г. / отв. ред. Е.Ф. Манаенкова. Волгоград, 2010. С. 55–60.

13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-изд., доп. М., 2006.

14. Федоров А.В. Творчество Лермонтова и западные литературы. Л., 1967.

15. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

16. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций : моногр. Волгоград, 2008.

17. Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор. М., 1994.

Emotional world of the lyrics by M.Y. Lermontov of the boarding school period

The issue of "rational-emotional" in literature is a multi-level one, thus the analysis of the originality of the emotional world of Lermontov's lyric character of the early period (1828-1830) is carried out with the achievements of the modern psychological science.

Key words: *lyric poetry, romantic character, emotions, feelings, poetic language, emotives, frustration.*

Е.В. КАЛАШНИКОВА
(Волгоград)

РОМАН Д.Н. БЕГИЧЕВА «СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХ» В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ 1830-х гг.

Рассматривается роман Д.Н. Бегичева «Семейство Холмских» как пример нравоописательной беллетристики своего времени, а также в связи с основными ценностными установками историографии Н.А. Полевого, получившими реализацию в одном из ведущих направлений современной науки – частной истории, или истории повседневности.

Ключевые слова: *«второстепенная» проза, нравоописательная беллетристика, быт эпохи, категория повседневности, частная история.*

«Есть <…> в России масса произведений бесформенных, по-деревенски, по-помещичьи тягучих повестей и романов, которые утеряли всякое значение в целом, но которые таят в себе жемчужины отдельных мыслей и изображений», – писал А. Блок в 1919 г., когда по инициативе М. Горького ему было поручено составить для популярного издательства З.И. Гржебина список произведений русской словесности XVIII–XIX вв., в большинстве случаев малоизвестных. Цель подобной акции, по мнению поэта, была более чем достойная: возродить забытые или полузабытые имена, представить читающей публике отечественную историю, ее «ошибки, падения, взлеты», преданные забвению, но «добытые человеческой кровью» и страданиями. «Эти жемчужины надо сохранять», – резюмировал поэт [2, с. 136–138].

Именно к такого рода сочинениям, действительно «тягучим» по объему, но весьма репрезентативным по содержанию, следует отнести сочинение одного из литераторов пушкинской поры Дмитрия Никитича Бегичева (1786 – 1855) «Семейство Холмских: Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, Русских дворян» (ч. 1 – 6, 1832), выдержавшее при жизни автора три издания.

Между тем в российском литературоведении характеристике этого произведения находится место в обзорах «второстепенной» прозы 1830-х гг. и биобиблиографических словарях, что в совокупности вряд ли составит более трех десятков страниц [7, с. 194]. Чаще (но опять же лаконично) пишут о Д.Н. Бегичеве в связи с его знакомством с В.А. Жуковским, В.К. Кюхельбекером, В.Ф. Одоевским, отмечают родственные отношения с Д.В. Давыдовым. Несколько углубляют биографическое пространство сведения о старшем брате Степане Никитиче Бегичеве, которому выпала честь сохранить, а затем передать через дочь текст одной из ранних редакций «Горя от ума», известной как «музейный автограф», рассеявший скептические домыслы в отношении истинного автора комедии [11, с. 388–443]. Однако по большому счету и Д.Н. Бегичев, как отмечает В.П. Мещеряков в своей монографии о Грибоедове, был «избранным»: состоял с драматургом в длительной переписке, входил в его литературное окружение, а самое главное – неоднократно присутствовал при чтении самим Грибоедовым фрагментов произведения. Что касается романа «Семейство Холмских», исследователь бегло заостряет внимание на его отдельных героях, в которых можно уловить черты сходства со знаменитыми грибоедовскими персонажами [8, с. 16 – 20]. Уже за эти жесты поддержки мы должны быть благодарны малоизвестному сочинителю.

© Калашникова Е.В., 2013